

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Первый анекдот обо мне

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619385

Аннотация

«... Вот, читатели, единственный пока анекдот обо мне. Нравится анекдот или нет – это другой вопрос. Но что он правдив – за это ручаюсь. ...»

Аркадий Аверченко

Первый анекдот обо мне

Недавно я с ужасом прочел два анекдота об известных людях.

Первый был о покойном генерале Драгомирове. Вот он – буквально:

«Как известно, Драгомиров отличался остроумием и находчивостью.

Один знакомый как-то спросил его:

– Что бы вы сделали, если бы завтра получили известие, что турки перешли границу и находятся уже под Киевом?

Ни слова не говоря, Драгомиров снял с пальца дорогое обручальное кольцо с великолепным бриллиантом и сказал знакомому:

– Наденьте это кольцо себе на ногу.

– Но это невозможно! – отвечал, вскрикнув, удивленный знакомый.

– Вот так же невозможно, чтобы турки осмелились напасть на Россию, – хладнокровно ответил покойник.

Эта манера резко и прямолинейно, не стесняясь ничем, говорить то, что он думает, создала ему много врагов, чего нельзя сказать об окружающих».

Второй анекдот такой:

«Покойный поэт Минаев отличался замечательным искусством говорить экспромты.

Вот один из лучших его экспромтов, сказанный на похоронах известного в то время железнодорожного строителя М., отличавшегося всем известной слабостью к слабому полу, который имел несколько побочных семейств, кроме прямого.

Именно, увидев погребальную колесницу с трупом покойника, он сказал находившемуся тут же актеру Б., большому любителю кутнуть и приятелю начинавшего входить в моду Достоевского:

О, человек! Был ты глуп —
Теперь лежит пред нами труп.
Покойся, милый прах, до радостного утра,
Пока червяк не съел твое все нутро.

Остроумные экспромты известного поэта доставляли ему в свое время множество врагов».

Выше я сказал, что прочел эти два анекдота с ужасом.

Действительно – вдумайтесь в смысл всей этой полуграмотной чепухи: вплетает ли она новые лавры в чудесные венки, которыми увенчаны оба «известных покойника...»?

И, прочтя эти бессмысленные строки, я, по ассоциации, призадумался над своей будущей судьбой.

Действительно: вчера в одной из газет перед моим именем я впервые увидел пряное, щекочущее слово: «известный».

Странное слово... Странное ощущение...

Итак – я «известный»...

Неужели?

Я человек по характеру очень скромный и никогда не думал о себе этого...

Ну – пишу. Ну – читают.

Но чтобы все это было до такой степени – вот уж не представлял себе.

И тут же я понял – какую громадную ответственность налагает на меня это слово.

Действительно: когда я был неизвестный – пиши, как хочешь, о чем хочешь и когда хочешь. Ешь, как все люди едят, ходи в толпе, толкаясь, как и другие толкаются, и если на твоём пути завязалась между двумя прохожими драка – ты можешь остановиться, полюбоваться на эту драку или даже,

в зависимости от темперамента, – принять в ней деятельное участие, защищая угнетенную, по твоему мнению, сторону.

А в новом положении с титулом «известный» попро-
буй-ка?!

Когда ешь – все смотрят тебе в рот. Вместо большого куска откусываешь маленький кусочек, мизинец отставляешь, стараясь держать руку изящнее, и косточки от цыпленка уже не выплевываешь беззаботно на край тарелки (скажут – некрасиво), а, давясь, жуешь и проглатываешь, как какой-нибудь оголодавший сеттер.

Съешь лишний кусок, все глазающие скажут – обжора.

Покажешься под руку со знакомой барышней – развратник.

Заступишься в уличной драке за угнетенного – все закричат: буян, драчун! («Наверное, пьян был!... Вот они, культурные писатели... А еще известный! Нет, Добролюбов, Белинский и Писарев в драку бы не полезли».)

И благодаря этому столько народа, заслуживающего быть битым, останется не битым, что нравы грубеют и жизнь делается еще тяжелее.

Наибольшая же трагедия – это те анекдоты о моем уме, находчивости и сообразительности, которые будут рассказываться и приводиться в газетах (отдел «Смесь») после моей смерти...

Воображаю:

«Известный (раз другие писали, могу же и я написать?)»

писатель Аркадий Аверченко отличался дьявольской сообразительностью и находчивостью.

Один знакомый спросил его:

– Кто, по-вашему, выше – Шекспир или Гёте?

– Мой портной Кубакин, – отвечал остроумный писатель.

– Почему? – изумился ничего не подозревавший знакомый.

– Потому, – улыбнулся покойник, – что он чуть не трех аршин росту.

Такими язвительными ответами покойный юморист нажил массу врагов среди сильных мира сего».

* * *

Конечно, никто из нас не застрахован от таких «анекдотов», но я сделаю слабую попытку застраховаться от них.

Именно я решил записывать сам все те будущие анекдоты, которые должны печататься после моей смерти.

Для начала позволю себе привести один анекдот-факт обо мне, имевший место не более месяца тому назад.

Пишу его уже в готовом обработанном виде, чтобы безграмотные компиляторы не исказили его, не лишили его тех немногих достоинств, которые, я надеюсь, отыщет в нем благосклонный читатель.

Из воспоминаний о покойном Аверченко.

Как известно, покойный писатель любил в хорошую минуту весело подшутить над своим ближним, что доставляло ему много врагов и тайных недоброжелателей.

Приводим следующий случай, правдивость которого могут удостоверить многие пережившие бедного, безвременно погибшего писателя...

Однажды, будучи застигнут в пути снежными заносами и отсиживаясь на какой-то глухой станции, покойный писатель горько жаловался соседям по вагону на то, что если пройдут еще сутки, то всем придется голодать.

Один актер, сидевший около, стал подтрунивать над Аверченко и в конце концов заявил:

– Ведь завтра нам всем уже придется бросать жребий – кому из нас быть съеденным... Что вы скажете, Аркадий Тимофеевич, если жребий падет на вас и мы вас съедим?!

– Что я скажу? – ответил, улыбаясь, симпатичный покойник. – Я скажу, что в таком случае рискую очутиться в дураках.

В тот момент никто не понял этого загадочного ответа, но в последние годы он детально разъяснен комментаторами писателя.

* * *

Вот, читатели, единственный пока анекдот обо мне. Нравится анекдот или нет – это другой вопрос. Но что он прав-

див – за это ручаюсь. Приятно быть более предусмотрительным, чем такие умные люди, как генерал Драгомиров и поэт Минаев.